УДК 342.7; 316.3; 34.03; 347.471

"ИЗНАНКА" ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. ЧАСТЬ 1. ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО "ТЕНЕВАЯ" СТОРОНА

© М.А. Мушинский
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье с позиций широкого подхода к пониманию гражданского общества предпринята попытка аргументировать точку зрения о том, что зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании. Поэтому в структуру гражданского общества включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается эмпирическими данными.

В первой части статьи рассмотрены различные подходы к пониманию гражданского общества, поскольку в соответствии с ним формируются представления о его структуре и возможности включения в нее "теневых" элементов. Сделана попытка ответить на вопрос – о каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о «теневых» элементах гражданского общества? В качестве противоположности «негражданским» элементам (тем, которые не следует включать в структуру гражданского общества) автором достаточно подробно рассмотрено сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как один из "изнаночных" институтов гражданского общества в современной России.

Во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере, в качестве сообществ граждан, которые следует изучать как "теневые" элементы гражданского общества, последовательно будут рассмотрены "уличные дети", явление "АУЕ", футбольные фанаты как характерный пример из широкого спектра неформальных объединений, виртуальные теневые сообщества: игроманы, "группы смерти" и т. п. Автором предпринята попытка доказать необходимость комплексных межотраслевых исследований "изнаночных" явлений гражданского общества. В поисках инструментов для таких исследований автор в статье кратко обратился к "изнаночным" сторонам социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневой экономике и теневому праву. Сделан вывод, что зачастую теневое право – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой элементы "изнанки" гражданского общества.

Итоговый вывод статьи: «изнаночные» социальные группы и образующиеся на основе их множества социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, "изнанка" гражданского общества, социальная группа, институт гражданского общества, право, теневое право, лица без определенного места жительства, неформальные молодежные объединения.

Формат цитирования: Мушинский М.А. Изнанка" гражданского общества. Часть 1. понимание гражданского общества и его "теневая" сторона // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 19–41.

"UNDERSIDE" OF CIVIL SOCIETY. PART 1. UNDERSTANDING OF CIVIL SOCIETY AND ITS "SEAMY" SIDE

M.A. Mushinskiy
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Based on the broadside approach to understanding of civil society the article provides an attempt to argue the point of view that civil society functions are often performed by spontaneous associations of citizens that the state power and the politicized (semi-official) part of civil society either ignore, do not take seriously, "do not want to notice," or do not really see, do not have information about their existence. Therefore, the structure of civil society includes both those elements that are in the active interaction with the state and with other

politicized institutions of civil society (political parties, local government, trade unions, public councils, registered NPOs, the mass media, etc.), and institutions that do not or nearly do not come into contact with the "system world", operate in a "shadow" regime, including legal conditions. However, the existence of such institutions is objectively confirmed by empirical data.

The first part of the article considers various approaches to the understanding of civil society, since in accordance with it ideas about its structure and the possibility of including "shadow" elements in it are formed. An attempt was made to answer the question - which social groups, communities and social institutions can be, and which cannot be spoken of as "shadow" elements of civil society? As an antithesis to "non-civic" elements (those that should not be included in the structure of civil society), the author considers in depth the community of persons with no fixed abode ("homeless people") as one of the "underside" institutions of civil society in modern Russia.

The second part of the article, which will be published in the next issue, will examine "street children", the phenomenon "Prisoner Thug Unity", football fans as a typical example of a wide spectrum of informal associations, virtual shadow communities: gamblers, "death groups", etc. as communities of citizens who should be studied as "shadow" elements of civil society. The author has attempted to prove the need for comprehensive intersectoral research of "underside" phenomena of civil society. In searching for tools for such a research, the author addresses briefly the issue of the "underside" aspects of social phenomena that are organically bound with civil society: the shadow economy and shadow law. It is concluded that often the shadow law is the normative systems that regulate social relations within communities that are elements of the "underside" of civil society.

The final conclusion of the article: "underside" social groups and social institutions formed on the basis of their set are an integral part of civil society in Russia.

Keywords: civil society, the "undersides" of civil society, social group, civil society institute, law, shadow law, persons with no fixed abode (homeless), informal youth associations

For citation: Mushinskiy M.A. "Underside" of civil society. Part 1.Understanding of civil society and its "seamy" side // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 19–41. (In Russian)

Достаточно часто граждане Российской Федерации в реальной жизни, а ученые общественного блока научных дисциплин – в своих исследованиях, среди эмпирического материала, сталкиваются с человеческими сообществами, которые не «вписываются» в стандартные теории о структуре гражданского общества. Представители этих социальных коллективов живут малопонятной для большинства граждан жизнью, их ценности и интересы не совпадают с ценностями и интересами окружающих. Они занимаются совместной деятельностью, которая зачастую раздражает "добропорядочных" граждан, подчиняются внутригрупповым неписанным правилам поведения, отличным от соблюдаемых большинством обычаев, морально-этических нормативов, от корпоративных правил, зафиксированных в официально признанных поведенческих кодексах. Эти группы, объективно являясь частью социума, находятся "в тени" общественного и официального (государственного) внимания, их существование либо не замечается, либо не признается, либо не афишируется, замалчивается для создания видимости социального благополучия. Как представляется, в данном случае мы имеем дело со своеобразной обратной, изнаночной стороной российского общества. Пришло время определиться – каким образом явления, образующие "изнанку" социума, соотносятся с концептом "гражданское общество", активно эксплуатируемым представителями ряда смежных отраслей общественного знания.

Понимание гражданского общества – основа для представлений о его структуре и возможности включения в нее "теневых" ("изнаночных") элементов.

Вот уже три десятка лет российские ученые – социологи, психологи, юристы, политологи, культурологи, экономисты – пытаются дать понятие гражданского общества и по возможности полно и объективно охарактеризовать соответствующее ему социальное явление. При этом диапазон исследовательских подходов чрезвычайно широк, но в большинстве работ ощущается доминирование традиционного европейского понимания рассматриваемого явления, начало которому лежит в размышлениях Платона, Аристотеля и Цицерона о наиболее рациональном построении общественной системы. Гоббс, Спиноза, Локк,

Харрингтон, Пейн, Монтескье, Руссо, Фергюсон, Кант, Гегель, Токвиль, Маркс, Энгельс – вот далеко не полный перечень светил европейской мысли, труды которых традиционно цитируются для того, чтобы проиллюстрировать развитие идеи гражданского общества и его органических связей с правовой государственностью.

В России имперского периода, как считает Л.Ю. Грудцына, "полноценное" гражданское общество отсутствовало, а отечественные авторы того времени в своих исследованиях данного феномена также отталкивались от комплекса "европейских идей о гражданском обществе, уделяя особое внимание его правовым аспектам (Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, С.Л. Франк и др.)" [12. С. 19].

В советский период в силу известных историко-политических обстоятельств в исследованиях гражданского общества наступил 70-летний перерыв. В отечественной официальной государственно-правовой доктрине провозглашалось, что в результате советского строительства должно было получиться не сосуществование двух систем – государственной и общественной, а их слияние, когда властеотношения потеряют политический характер и произойдет "перерастание государственности в коммунистическое общественное самоуправление" [6]. Система коммунистического самоуправления виделась идеологам "эпохи развитого социализма" как некий идеальный социальный механизм, обеспечивающий для всех членов общества равное и непосредственное участие в осуществлении общественной власти, что само по себе делает концепцию гражданского общества – антипода или партнера государственного механизма – ничтожной. Но – увы: "В современных условиях невозможно дать конкретный анализ форм, содержания, структуры, динамики будущего коммунистического самоуправления..." [47. С. 427]. Интересно, что авторы процитированного учебного текста, в отличие от всех других учебников по теории государства и права советского периода, достаточно подробно, на семи страницах, рассматривают вопрос о взаимосвязях и взаимодействии советского государства и негосударственных организаций – профсоюзов, потребительской и сельскохозяйственной кооперации, общества "Знание", ВООПИК, ДОСААФ, ОСВОД, общества Красного Креста и Красного Полумесяца, обществ охотников и рыболовов и других [47. С. 215–222]. Однако ассоциации с "буржуазной" категорией "гражданское общество" у них в связи с этой совокупностью общественных организаций даже не возникает. Если советские ученые и обращались к словосочетанию "гражданское общество", то только мельком, в контексте марксистского материалистического ("от экономики") понимания: "Государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, – решающим элементом" [54]. Основоположники материалистической диалектики для характеристик гражданского общества в своих трудах использовали разные понятия. Для них это и сложившаяся на определенном историческом промежутке организация сословий и семей, и определенный общественный слой, и особая совокупность производственных отношений. "Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производственных сил... Выражение "гражданское общество" возникло в XVII в., когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности... ", – писали К. Маркс и Ф. Энгельс [25].

А.Ю. Сунгуров обоснованно отмечает, что в СССР и других странах "социалистического лагеря" на смену традиционной связке государство – гражданское общество "пришло тоталитарное или близкое к нему псевдосоциалистическое государство, подмявшее под себя независимые общественные структуры и контролировавшее все стороны общественной, а также и личной жизни человека. Соответственно, и в общественной науке советского периода исследования понятия "гражданское общество" практически отсутствовали" [46. С. 8–9]. Однако автор подметил еще один важный для нашей темы момент – именно сохранившиеся там, зачастую "в подполье" или в полулегальном статусе, независимые от государства общественные группы стали центрами противодействия тоталитаризму и в конечном итоге выросли в важный (далеко не единственный, и не всегда главный, но

неизменно важный) фактор модернизации политических режимов России, других возникших на развалинах СССР новых государств и стран Восточной Европы. На основе этого наблюдения можно сделать предварительный вывод: не следует сводить структуру гражданского общества только лишь к общественным формированиям и институтам, признаваемым официальным государственным мнением или хотя бы "замечаемым" им. Зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официальная или правильнее – официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании.

Возникает вопрос – входят ли эти "теневые", лишенные признания, не имеющие официального статуса и полноценной юридической базы деятельности, но реально существующие и функционирующие, элементы общества в структуру социального явления, обозначаемого как "гражданское общество"? Очевидно, что ответ на этот вопрос зависит от понимания категории "гражданское общество".

Как уже отмечалось, среди современных отечественных исследователей преобладает традиционный европейский подход, в рамках которого, с небольшими вариациями, гражданское общество понимается как совокупность относительно независимых организаций и ассоциаций граждан, опосредующих отношения между личностью и государством, защищающих права и свободы личности и осуществляющих функции общественного контроля и сдерживания государства. В разных версиях баланс "партнерство – антагонизм" в отношениях гражданского общества и государства утверждается разный. Так, В.И. Нижечек полагал: "Гражданское общество разрушает монополию на всевластие государственных деятелей, обеспечивает возрастание степени защищенности частных сфер жизни человека от жесткой регламентации со стороны государства. Чем более развито гражданское общество, тем свободнее чувствуют себя индивиды и тем незаметнее роль государства, ибо в таком случае оно функционирует в рамках, отведенных ему законом, и не вмешивается в повседневную жизнь людей. И, наоборот, чем слабее гражданское общество, тем сильнее государство" [30. С. 270]. Ряд авторов само возникновение и развитие гражданского общества воспринимают как диалектическую антитезу государству, вступающему в кризисную эпоху: "Гражданское общество возникает там и только тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти существенно редактируется состоянием гражданского общества" [13. С. 31]. Как можно убедиться, здесь акцент делается на политической стороне вопроса. Схожую позицию занимало и большинство участников "круглого стола", состоявшегося в 2001 году [14].

Имеются также различные "коммунальные" ("коммунитаристские") интерпретации.

Ряд авторов, наоборот, выводит за рамки понимания гражданского общества политические и экономические составляющие. Сторонниками данной версии в его структуре делается акцент на семье, церкви и некоммерческих организациях (НКО), осуществляющих неприбыльную деятельность ради общественного блага – "третьем секторе", прежде всего, на институтах благотворительности и меценатства.

Являясь сторонниками синтетической версии и принимая в той или иной мере доводы всех представленных позиций, полагаем необходимым добавить к имеющимся характеристикам два важнейших аспекта организации и деятельности институтов гражданского общества – они образуются и функционируют, помимо прочего, с целью: а) создания для личности организационных и коммуникационных

возможностей для самореализации своих интересов и потребностей; б) формирования благоприятных условий для общения единомышленников, личностей, объединенных каким-то общим интересом. Государство всегда стремится установить для такого общения соратников какой-то "правильный" с точки зрения представляющих его (государство) чиновников формат, но далеко не всегда им (представителям государства) удается подобные социальные связи отформатировать. Объективно существуют такие организации индивидов, объединенные общностью их интересов и потребностей, которые не стремятся к формализации, к контактам со структурами государства и с иными институтами гражданского общества. Но они могут существовать длительно и стабильно, а главное – они выполняют ту же задачу, что и остальные ("официальные") институты гражданского общества: создают для индивида условия для реализации, через контакты и взаимодействие с другими участниками организации, через отношения взаимовыгоды, своих интересов и потребностей, для пользования коллективными (групповыми) ценностями, не всегда относящимися к ценностям общегражданским, общепризнанным.

Существует также "оценочный" вариант трактовки гражданского общества, где эта категория выступает в роли своеобразного мерила уровня зрелости государственно-общественных отношений в историко-диалектическом контексте. Так, Н.И. Матузов пишет: "Термин "гражданское общество" имеет в литературе особое содержание и в современной трактовке выражает определенный тип (состояние, характер) общества, его социально-экономическую, политическую и правовую природу, степень развитости, завершенности. Иначе говоря, под этим понятием подразумевается общество, отвечающее ряду выработанных историческим опытом критериев. Гражданское общество – это более высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности. … В любом случае гражданское общество – это развитое, стабильное, благоустроенное общество с достаточно высоким уровнем жизни людей. Бедное, нищенское, отсталое общество недостойно статуса гражданского, ибо в нем не сложились те условия, предпосылки и институты, которые делают страну процветающей, мирной, прогрессивной" [26]. С позиций доктрины правового государства в соответствии с данной теорией можно утверждать, что гражданское общество – это качественное состояние социума, соответствующее правовой государственности, это условие построения правового государства. Чем выше уровень "зрелости" общества – тем больше в нем гражданственности, а значит лучше условия для реализации принципов правового государства. Поэтому в работах, посвященных теории и практике правового государства, зачастую используется акцентированное словосочетание "развитое гражданское общество".

Исследователи проблем правовой государственности, отталкиваясь от цивилистических и гуманистических начал, иногда теряют грань между правовым государством и гражданским обществом и высказывают по своей сущности этатические взгляды, отдают во взаимоотношениях "государство – гражданское общество" предпочтение патерналистским тенденциям. Так, В.Ф. Яковлев в одном из своих интервью заявил, что "главным показателем гражданского общества" является возможность обжалования нарушающих права граждан действий и решений в орган государства – суд, возможность судебной защиты. "Там, где эта возможность есть и она может быть реализована, – это гражданское общество. Где этого нет – это что-то такое, пока только движущееся в сторону гражданского общества, но не оно само" [56. С. 39]. И.С. Фатов в диссертации также демонстрирует "государственнический" подход. С одной стороны, это объяснимо тем, что его работа в целом посвящена общественным объединениям – наиболее формализованной части гражданского общества и их юридически закрепленному статусу. Однако, как представляется, видение гражданского общества у автора все же пронизано излишним этатизмом. Так, он утверждает: "Сегодня мы видим различные шаги государства, направленные на создание различных форм контроля гражданского общества над государством" [48. С. 5]. То есть это не гражданское общество вырабаты-

вает средства общественного контроля, а государство само создает формы контроля за собой! И далее: "Ныне в России актуализируются новые организационно-правовые формы общественных объединений, образуемых по инициативе государства и его органов, участвующих в формировании государственной политики и в ее реализации: общественные палаты и молодежные парламенты". Как представляется, если какая-то организация создана по инициативе государства и его органов, то ее вряд ли можно рассматривать как полноценный институт гражданского общества. Не случайно в литературе присутствуют характеристики подобных организаций как "квазиобщественные" или "псевдообщественные". Возможно, есть смысл прислушаться к мнению С.А. Абрамитова и Э.Ф. Мамедова, которые на примере региональных общественных палат характеризуют подобные образования как "нетипичные" институты гражданского общества, выполняющие функцию обеспечения взаимодействия граждан и "обычных" (реальных) институтов гражданского общества с органами государственной власти. "Нетипичны", по мнению авторов, они именно потому, что формируются по инициативе государства и с его участием, их деятельность в материальном, финансовом и организационном плане обеспечивается органами государственной власти [1. С. 23–26].

Если соединить "коммунитаристские", "оценочные" и "патерналистские" подходы, то категория "гражданское общество" начинает ассоциироваться скорее не с правовым, а с социальным государством – таким общественно-политическим устройством, при котором главной ценностью является достойный уровень жизни каждого гражданина, максимальная обеспеченность духовных и материальных потребностей личности при соблюдении общественного интереса. Такое состояние достигается усилиями государства посредством права, в частности, путем установления в законодательстве и обеспечения на практике минимальных социальных стандартов. Роль же институтов гражданского общества сводится в таком случае к общественному контролю в части соблюдения принципов социальной справедливости, общественным инициативам из разряда благотворительности, меценатства, волонтерства и т. п., государственно-общественному партнерству в сферах производства, распределения благ, социального обеспечения и призрения.

Как видится, для успешного поиска ответа на поставленный выше вопрос – по поводу "теневых", лишенных официального и официозного признания общественных институтов – представляют интерес наиболее широкие формулировки искомого понятия.

Так, одним из первых в постсоветский период высказал широкое, универсальное понимание гражданского общества К.С. Гаджиев: "Гражданское общество – это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных" [9. С. 30].

Коллектив политологов из МГИМО под руководством А. Ю. Мельвиля предложил следующую дефиницию: "Гражданское общество – совокупность множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном обществе вне рамок государства и без его определенного вмешательства либо помощи" [21. С. 204].

По определению К.А. Струся, "Гражданское общество – это совокупность частных и межличностных отношений социального, политического, идеологического, культурного, религиозного, семейного и иного характера, направленных на удовлетворение интересов общества, отдельных индивидов и создаваемых ими институтов" [45. С. 22].

Как представляется нам, многих авторов заводит в гносеологический тупик попытка приложить созданное западной политико-правовой культурой лекало "civil society" на современную российскую действительность, найти у нас аналоги описанных американскими и европейскими ис-

следователями институтов и отношений внутри общества. В этой области российская политико-правовая доктрина, начиная с конца 1980-х гг., строится на стремлении воспринять варианты доктрины гражданского общества "от Монтескье", "от Локка" и т. п., не особо задаваясь вопросом – а насколько они вообще применимы в отношении российского общества? Отдельные авторы, пришедшие все же в результате своего научного поиска к данному вопросу, пытаются обосновать необходимость полного отказа от концепта гражданского общества как чуждого российской традиции, российским политико-правовой теории и практике. В данном случае полезно, на наш взгляд, прислушаться к мнению В.В. Волкова, согласно которому "вопрос об уместности концепции гражданского общества во многом зависит от того, как работать с этим понятием. Иными словами, это вопрос не формального приложения концепции, а скорее выбора адекватного кросс-культурного перевода – с языка одной традиции на язык другой" [7]. Автор в качестве приемлемой российской интерпретации концепта "гражданское общество" предлагает исторически сформировавшийся со времен Карамзина и Радищева концепт "общественность". Идея здравая. Наше понимание гражданского общества, как уже отмечалось, относится к наиболее широким трактовкам, близким к предложенному Т. Парсоном "социетальному сообществу" (societal community), но с большим акцентом на его институциональную структуру. При этом "Для выживания и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) его членами в качестве основы их социальной идентичности" [34].

Таким образом, мы полагаем правильным на сегодня отход от двух традиционных ("западных") концепций, в основе которых лежит отрицание: а) гражданское общество как антитеза обществу "догражданскому" ("традиционному"); б) гражданское общество как антитеза государству. Актуальными представляются концепции, отражающие созидательную роль гражданского общества не в системе человек-государство, а в системах человек-человек и человек-общество; представляющие его как реальную совокупность граждан данного государства, характеризуемую с точки зрения ее структуры, культурных, этнических и религиозных традиций, экономического уклада, социально-правовых ценностей, уровня и форм гражданской активности, возможностей удовлетворения индивидуальных потребностей и интересов граждан через участие в институтах.

Бессмысленно отрицать политический аспект функционирования гражданского общества. Ему имманентно присуще стремление создавать институты сдерживания власти, противодействия ее произволу и влияния на властеотношения. В том числе путем контроля и участия в правотворческом процессе, чтобы воспрепятствовать изданию государством "неправовых законов". Формируемые гражданским обществом для решения этой специфичной задачи институты, прежде всего, оппозиционные политические партии, правозащитные НКО, организации общественного контроля типа ОНФ, профсоюзы и другие, во взаимоотношениях (иногда – в противодействии) с государством зачастую действуют в интересах других институтов гражданского общества, решающих иного рода задачи. Мы же пытаемся доказать тезис о том, что структуру и функционирование гражданского общества, вместе с тем, нельзя сводить только к этим институтам и их деятельности. Они – хотя и очень важный, но всего лишь фрагмент в многокрасочной картине гражданского общества, состоящей из множества сообществ и отношений (образующих, по В.В. Волкову, российскую "общественность"). В том числе и "теневых".

Интересную, имеющую конспиративный оттенок, версию выдвигает В. Коровин (который, кстати, в названии своего материала использует ту же смысловую ассоциацию, что и мы – "изнанка"). Он полагает, что либеральный концепт "гражданское общество" в настоящее время используется Западом для распространения своего влияния на "не западные" общества путем идеологических манипуляций, с использованием сетевых стратегий, в том числе для провокации угодных Западу социальных потрясений – "оранжевых", "бархатных" и т. п. Это "экспортная форма соци-

ального и общественного устройства, которую предлагает Запад", и которая "приводит к атомизации и унификации общества с отказом от любых форм идентичности в пользу некой общечеловеческой универсальности". Однако, продолжает автор, в России "этот концепт приживается плохо в силу консервативности, этнического и религиозного многообразия. Мы же подразумеваем под этим понятием любую активность в области самоуправления населения, а не только выступление людей на митингах и демонстрациях" [23].

О каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о "теневых" элементах гражданского общества? К вопросу об "антигражданском" обществе и его соотношении с "изнанкой" гражданского общества.

Говоря о "теневых" элементах, об "изнанке" гражданского общества, мы полагаем правильным исключить из его структуры открыто внекультурные, антиобщественные группы и объединения, не только действующие в нарушение общепризнанных норм морали, общезначимых поведенческих нормативов ("правил гражданского общежития"), но и откровенно причиняющие вред общественным отношениям и интересам остальных членов общества, и тем самым противопоставившие себя обществу. А.Ю. Сунгуров для обозначения этой части социума использует понятие "негражданское общество", под которым он понимает "совокупность ассоциаций людей, не уважающих и не соблюдающих законы государства. Каждый из секторов гражданского общества будет иметь своего аналога в обществе негражданском, так, для политического сообщества это нелегальные, террористические организации; для экономического – мафия и преступные группировки; для сообщества NGO – тоталитарные религиозные секты и т. д. " [46. С. 18].

На наш взгляд, акцент в данном случае необходимо сделать не на соблюдении законов государства. Если ставить данный признак во главу угла, то из перечня институтов гражданского общества тут же вычеркивается, например, так называемая "внесистемная оппозиция", нарушающая государственно-властные установки при проведении несанкционированных акций. Однако подобные "грехи" иногда совершают не только политические противники действующей власти, но и, допустим, экологические организации. Вспомним события вокруг Химкинского леса в Подмосковье 2007–2012 гг., или имевшую место летом 2015 г. ситуацию в Шелеховском районе Иркутской области, когда ЗАО "Дорожник" начало добычу розового гранита на скальнике "Старая крепость". Несколько дней активисты-общественники буквально своими телами блокировали работы, проводили не разрешенные властями пикеты и митинги, то есть юридически незаконные акции. Думается, в данном случае никому не придет в голову отнести активистов-экологов, протестующие группы неравнодушных местных жителей к "негражданскому обществу", хотя их действия и выходили зачастую за рамки, установленные законодательством. Конечно, в идеале, в условиях подлинной правовой государственности законы государства совпадают с общественными интересами, с нормами нравственности и общепризнанными среди населения взглядами и подходами к вопросам социальной справедливости, целесообразности ("общественной надобности") и т. д. Однако до такого идеального состояния не "доросло", пожалуй, еще ни одно государство (общество), в том числе Россия, а значит выступление группы единомышленников против тех или иных конкретных нормативных установлений государства отнюдь не означает автоматический перевод ее в разряд антиобщественной ("негражданской"). Такие выступления были, есть и будут.

Есть выступления против сложившегося положения дел, против бездействия власти. Например, акции протеста против коррупции в высших эшелонах российской власти, которые прошли в марте 2017 г. и в последующие месяцы в виде митингов, шествий и одиночных пикетов во многих городах России. А есть – как реакция на конкретные изданные властью "непопулярные" нормативные правовые акты. Так, заметными движениями последних лет стали протесты общественности г. Москвы в отношении законодательства о так называемой "реновации жилищного фонда" столицы. Прошедшие по всей стране акции водителей -"дальнобойщиков" и их профессио-

нальных сообществ против системы "Платон". Имевшие место в уральском регионе, а также в Калуге, Ярославле и других городах акции протеста против отдельных нормативно-правовых решений, принятых в рамках реализации "стратегии в интересах детей" (возникла даже общественная организация "Родительское всероссийское сопротивление"). И многие другие. Следует ли отнести принявшие в них участие организации, социальные группы, протестующие против конкретных законов государства, к "антигражданскому обществу"? Конечно нет! Наоборот, такая форма активности – это яркое проявление позитивно развивающегося гражданского общества, реализация им контрольной (в отношении государства) функции, а также функции "обратной связи".

Раз уж мы говорим об антиподе обществу, а не государству, значит в качестве критерия отнесения той или иной общественной структуры к "антигражданскому обществу" следует принять не протест против закона государства, и даже не факт прямого нарушения юридического закона, а не уважение к общепринятым в данном обществе установкам, воззрениям и сформировавшимся на их основе правилам. Неприятие и демонстративные отступления от требований общественной нравственности, нарушение интересов других членов общества и их организаций в условиях, когда их можно было не нарушить, нарочитая социальная конфликтность. В условиях правовой государственности, при наличии качественного в социально-правовом отношении законодательства, такие действия одновременно будут и антиобщественными, и противозаконными. Однако отсутствие правового запрета не оправдывает аморальные, осуждаемые социальным большинством, вредные поступки. В том числе в ситуации, квалифицируемой юристами как "злоупотребление правом". По сути дела, в данном случае обнаруживается выход на чрезвычайно сложную проблему соотношения категорий "право" и "закон". Не имея возможности детально обратиться к ней в рамках данной публикации, ограничимся цитатой из статьи Т.И. Заславской и М.А. Шабановой: "Критерий легитимности социальных действий, базирующийся на господствующих представлениях массовых групп о правовых (неправовых) способах поведения, относительно независим от фактического состояния и качества задаваемых властями формально-правовых норм, так как право не тождественно закону" [18. С. 9].

Очевидно, что критики изложенной здесь позиции обязательно зададут вопрос: а кто, собственно, вправе от имени общества судить – вреден или не вреден тот или иной поступок, где заканчивается большинство и начинается меньшинство, обязанное "подстраиваться" под интересы и правила большинства? И вообще – возможно ли говорить о наличии некоего "социального целого" и его "совместной морали" в такой огромной, разной, многонациональной стране, какой является Россия?

Конечно, моральные установки, нравственные оценки, социально-правовые ценности и интересы на самом деле значительно рознятся у граждан России: у жителей таежных поселков – представителей малых коренных народностей Севера и Востока страны; у граждан, проживающих внутри Садового Кольца, на Арбате и Тверской; у детей и внуков бывших заключенных – жителей дальневосточных, северных и сибирских провинциальных населенных пунктов, расположенных на месте "Тайшетлага", "Озерлага", "Воркутлага", "Дальлага" и т. п.; у жителей республик Северного Кавказа; у рабочих с "Уралмашзавода"... Поэтому "усредненная мораль", "общепризнанные правила", "общезначимая ценность" и другие подобные категории, к которым мы вынуждены обращаться для объяснения феномена гражданского общества, имеют откровенно абстрактный характер, это скорее "вещь для нас", нежели "вещь в себе". Однако утверждать о их наличии даже в условиях огромного по площади, многонационального и многоконфессионального, имеющего трудную неоднозначную историю государства можно и нужно при условии, что в этом государстве действительно формируется гражданское общество. Фундаментом социального единства, основой для гашения конфликтов, согласования интересов, ценностей и мировоззренческих позиций в данном случае служит явление толерантности во всех ее проявлениях (направлениях). Ее формирование – одна из главных задач как прогрессивных и

наиболее мощных институтов гражданского общества, так и правового государства, во взаимодействии между собой. Если население страны представляет собой клок противоречий, гражданского общества не построить. И неправильно в условиях огромной России искать какую-то общую, универсальную, равнозначимую для всех "национальную идею". Ценностные приоритеты у разных социальных групп разные и они никогда не совпадут. Основа гражданского общества – это не всеобщая идея, не совпадение ценностей, а взаимотерпимость идей и уважение к "соседским" (а не к "чужим") ценностям. И вот на таких условиях уже следует включать "систему социального опознавания свой-чужой". Чужой – это не тот, чьи мысли, воззрения, ценности и интересы не совпадают с мыслями, интересами и воззрениями других граждан данного государства. Пусть даже и абсолютного большинства. Чужой – это тот, кто в процессе реализации своих воззрений и ценностных установок, удовлетворения своих интересов, причиняет реальный вред общественному благу, ценностям и интересам представителей другой части общества. Кто поступает во взаимодействиях с другими членами общества вопреки признанным большинством (не обязательно разделяемым всеми, но признанным, принятым в качестве допустимых) правилам поведения в данном обществе, и при этом причиняет общественным отношениям, общественной нравственности, чужим интересам определенный ущерб.

В этом смысле вполне оправдан, например, запрет на деятельность религиозной организации, адепты которой призывают к действиям экстремистского характера, или используют в отношении личности технологии психофизиологического воздействия, манипулирования сознанием и волей. Чужими (чуждыми) для общества организациями являются организованные преступные сообщества, где бы они не возникли – в сфере, например, лесопользования, проституции, оборота драгоценных металлов, распространения оружия или наркотиков, на алкогольном рынке, в банковской сфере или государственной власти (вокруг коррупционных схем). Однозначно чужими для здорового общества являются организации гомосексуалистов и наркоманов. И те, и другие рано или поздно неизменно испытывают потребность вовлечь в свою группу новых членов, распространить свое социальное заболевание в молодежной среде, а это уже преступление против общественного здоровья и общественной нравственности. Такие организации – это элементы "антигражданского" общества, и они не являются предметом настоящей статьи.

Мы говорим о сообществах граждан России, не совершающих запрещенные как юридическими законами государства, так и нравственными законами общества действия, не причиняющих вред чужим интересам. Но при этом "выбивающихся" за рамки общепризнанных представлений о должном и постыдном, о правильном и неправильном, за пределы представлений большинства о добропорядочности. Такие формирования, в отличие от организаций сектора НКО, или объединений непосредственного жизнеобеспечения "добропорядочных" граждан (ТОС, ТСЖ, дачные и гаражные товарищества и т. п.), всегда лишены официального признания, а значит у них нет регистрации и официального статуса, нет юридической базы их деятельности, нет механизмов защиты интересов их участников. Но они существуют.

Некоторые такие социальные группы возникают в результате попадания их участников, как стало теперь принято говорить, в "сложную жизненную ситуацию". В данном случае, выделяя "объединяющий момент", правильно говорить скорее не о реализации совместных интересов, а о совместном выживании. Яркий пример тому – группы людей, не имеющих постоянного легального дохода, места жительства, а чаще всего и личных документов. В обществе стереотипный образ таких граждан (а они являются гражданами России, членами нашего общества, даже утратив паспорт!) принято передавать через вышедший из милицейских протоколов эпитет – аббревиатуру "бомж" (без определенного места жительства).

Сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как один из "изнаночных" институтов гражданского общества.

С начала 1990-х гг. и по сей день опубликовано несколько сотен разной глу-

бины работ, посвященных этой категории граждан России. Вполне естественно их авторы пытаются дать собственную оценку явлению с точки зрения общепризнанной в обществе шкалы ценностей. Чаще всего поведение бомжей оценивается как "асоциальное" и "девиантное", и с этим трудно спорить. Однако, к сожалению, не все исследователи занимают в этом вопросе четко аргументированную позицию.

Дело в том, что "асоциальность" – это наиболее широкое понятие, охватывающее целый ряд смежных явлений, и применительно к характеристике конкретного объекта (личности, социальной группы, образа жизни, деятельности, поступка) в любом случае требующее уточнений. Термин "девиация" (как разновидность асоциального поведения) относительно недавно заимствован социальным знанием из областей физики, техники и биологии, а поэтому значение его пока не устоялось. На наш взгляд, поскольку наиболее часто определяющим для девиации словом в сфере точных и естественных наук является "отклонение" (от чего-либо нормального, стандартного), то и в сфере социально-правовой характеристику поведения как девиантного следует понимать как "отклоняющееся от нормы". При этом, по нашему убеждению, социальная девиация – это не синоним правонарушения, иначе данный иностранизм вообще не нужно было вводить в российский научный лексикон, чтобы не множить без необходимости вполне достаточную терминологию, обозначающую явление противоправного поведения – правонарушения. На наш взгляд, термин "девиация" и был привнесен в социально-правовую и социально-психологическую речь для того, чтобы оттенить поведенческие отклонения, не переступающие вместе с тем черты закона, и собственно правонарушение. Правда, ряд авторов рассматривает нарушения закона как разновидность девиации, с чем мы не до конца согласны. Так, Е.В. Змановская пишет: "Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам" [19. С. 12]. Как представляется, если под официально установленными социальными нормами понимаются зафиксированные в законе нормы права, и поведение противоречит им, то это правонарушение, являющееся самостоятельной социальной и юридической категорией. Если же поведение не соответствует общепринятым социальным нормам, но при этом не содержит признаков правонарушения – это и есть девиация. Такой позиции придерживается целый ряд авторов. Т.Г. Евдокимова, изучая девиации в молодежной среде, относит к ним алкоголизм, наркотизм и табакокурение среди подростков. Ею упоминается также суицидальное поведение, но правонарушения из перечня девиаций автором исключены [15]. В целом соглашаясь, отметим несколько зауженный подход автора: в работе не достаточно внимания уделено прочим подростковым девиациям – ранней половой жизни, азартным играм, в том числе сетевым, бродяжничеству, попрошайничеству (которым занимаются иногда дети из материально благополучных семей) и др.

Одной из работ, посвященных проблематике бомжей, в которой нет четкой определенности по поводу понятия "девиантное поведение", является статья В.В. Шильдяевой, в которой утверждается: "Девиантное поведение – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе **правовым или нравственным** *(выделено мною – М.М.)* нормам" [50. С. 55]. В данной статье, к сожалению, обнаруживается и еще один досадный недостаток – не соответствие ее названия содержанию. В аннотации указано, что "Данная статья посвящена изучению различных подходов к определению понятия "бомж", и это соответствует ее заголовку, однако на деле в тексте ни одного определения понятия "бомж" вообще не дано, сама эта аббревиатура упоминается лишь в первом абзаце, а большая часть текста посвящена различным концепциям и типологии отклоняющегося поведения вне всякой связи с проблемой бездомности.

Понятно, что акценты в характеристике девиации как явления расставляются в зависимости от той области знаний, к которой принадлежит исследователь. По нашему мнению, наиболее удачно в обобщенном виде три отраслевых подхода к понятию девиации – педагогический, медицинский и психологический – описала В.А. Янышева: "Педагогический подход к проблемам девиантного поведения подра-

зумевает под этим понятием отклонение от принятых в данной социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и культурных ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства норм и ценностей, а также саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит. При медицинском подходе девиантное поведение определяется как отклонение от принятых в данном обществе норм межличностных взаимоотношений, действий, поступков, высказываний, совершаемых как в рамках психического здоровья, так и в различных формах нервно-психической патологии, особенно пограничного уровня. Психологический подход трактует девиантное поведение как отклонение от социально-психологических и нравственных норм, представленное либо как ошибочный антиобщественный образец решения конфликта, проявляющийся в нарушении общественно принятых норм, либо в ущербе, нанесенном общественному благополучию, окружающим и себе" [57]. При этом для исследователя-юриста, с учетом конкретных целей изучения, важными могут стать элементы всех трех этих определений, но при этом аксиомой остается утверждение: если отклоняющееся поведение находится в рамках закона – это девиация, если вне таких рамок – это правонарушение.

Для характеристики поведения представителей "дна" и "придонного слоя" российского общества употребляется также термин "делинквентность". Как представляется, это понятие применимо в тех случаях, когда нужно не в юридическом, а в социально-психологическом контексте описать не единичный поведенческий акт, а длящееся поведение, которое выходит за рамки просто девиации, все чаще содержит признаки противоправного деяния. И.Л. Первова по этому поводу указывает: "В отечественной социально-психологической литературе смысловое содержание делинквентности обычно связывалось с понятием, подразумевающим цепь поступков, провинностей, мелких правонарушений, напрямую не связанных с криминальным поведением, т. е. не квалифицируемых как серьезные правонарушения или преступления и не наказуемых согласно Уголовному кодексу. В последнее время содержание этого понятия начинает выходить за рамки криминологического, пенитенциарного и психиатрического рассмотрения и принимает все более направленный социально-психологический характер. Предлагается использовать его в качестве определяющего компонента негативных девиаций, предполагающего как стойкие нарушения общественных норм, так и уголовно наказуемые акты" [35].

Характеристику "делинквентный" по отношению к повседневному образу жизни бомжей чаще всего используют представители правоохранительных органов. Так, сотрудник полиции из г. Пензы А.Г. Репьев, пытаясь посвятить свою статью вопросам **обеспечения прав людей из категории** "**бомж**", в конечном итоге приходит к жесткому выводу, что "несмотря на положительные результаты практической работы с вышеуказанной категорией граждан, около 70 % от их общего числа не желают возвращаться к нормальному образу жизни", поэтому "С точки зрения обеспечения и защиты прав, законных интересов **добропорядочных граждан** подобных **лиц БОМЖ необходимо изолировать от общества**". То есть автор предлагает изолировать от общества, лишить свободы передвижения и других гражданских прав и свобод граждан Российской Федерации только лишь за то, что они не имеют жилья и представляют, по мнению представителей власти, потенциальную опасность для "добропорядочных граждан"! Как представляется, подобные рассуждения могут завести очень далеко… "Однако, – сетует далее А.Г. Репьев, – в настоящее время органы правопорядка не располагают юридическими механизмами воздействия на данную категорию" [37. С. 73].

Иногда в литературе, чаще всего в работах, посвященных проблемам социальной стратификации, в отношении людей из категории "бомж" встречается эпитет "люмпен", "люмпенизированная личность". Как известно, данный термин был введен в научный оборот К. Марксом и имел прочтение исключительно "люмпен-пролетарий". В рамках своей теории классовой структуры общества основоположник материалистической диалектики так характеризовал наиболее низко оплачива-

емых либо потерявших работу, мало востребованных из-за отсутствия трудовых навыков, а также вообще "выпавших" из своего класса, говоря современным языком, "опустившихся" (например, из-за пьянства) представителей рабочего класса – "деклассированный элемент". В такой классической трактовке термин мало применим к современным бездомным и бродягам, поскольку далеко не все из них в прошлом были людьми рабочих профессий (пролетариями). Среди современных российских бомжей встречаются бывшие инженеры, художники, чиновники, военные, педагоги и т. д. Не случайно помимо аббревиатуры "бомж" иногда используют "бич" с иронично-насмешливой расшифровкой "бывший интеллигентный человек". Хотя, к примеру, социологическое исследование, проведенное группой ученых в г. Пензе, показало, что "большинство лиц БОМЖ имеют начальное (82,8 %), среднее (13,8 %) образование. Только 3,4 % респондентов обладают высшим образованием" [55. С. 108].

В современных интерпретациях характеристика "люмпен" потеряла свое изначальное "марксистское" значение, ныне этим термином охватываются все опустившиеся на "социальное дно" алкоголики, бродяги, низовые категории проституток, нищие, освободившиеся и не работающие заключенные, "городские сумасшедшие" и другие им подобные лица, находящиеся вне определенных обществом рамок стандартных (минимальных) условий и норм жизни, в условиях отчуждения от общественного большинства.

Как было отмечено, термин "люмпен" встречается в трудах, посвященных теории социальной стратификации. Мы не склонны развивать данную теорию применительно к предмету настоящей статьи, поскольку само понятие стратификации, несмотря на огромное количество работ, в которых оно используется, далеко не однозначно. Достаточно сказать, что корневое слово "страта" традиционно в словарях определяется как "общественный слой, группа людей, объединенных каким-нибудь общим социальным признаком", и этим признаком не обязательно является бедность или богатство, наличие либо отсутствие власти, привилегий и т. п. То есть стратификацию нужно бы рассматривать как процесс и результат структурирования общества, а задача исследователя – выявление всех реально существующих факторов, лежащих в основе общественной архитектоники. Однако на деле производное от "страта" слово "стратификация", как правило, употребляется уже для обозначения процесса расслоения общества именно на неравные социальные общности. Неравные прежде всего по имущественному признаку, уровню жизни и способности влиять на этот уровень. Главный посыл в большинстве работ – в основе социальной стратификации лежит социальное превосходство одних над другими, основанное на происхождении и традиции, экономике, социально-политическом устройстве, религиозной или (и) национальной принадлежности и т. п. Граждане, относящиеся к разным стратам, имеют неодинаковые возможности для удовлетворения своих физических и духовных потребностей, неравный доступ к решению общих дел. Традиция такого понимания стратификации воспринята (и воспринята, как представляется, ошибочно, необоснованно) российскими учеными применительно к российскому обществу из американской социологии и социальной антропологии (Т. Парсонс и др.). Так, Уорнер на основе социологического исследования населения небольшого американского городка в главе "Социальный класс и социальная стратификация" своего труда "Янки-сити" предлагает шестиуровневую версию социальной стратификации, в которой, в частности, присутствует общественный слой, характеризуемый как "низший-низший". Вероятно, к нему и нужно отнести людей из категории "бомж". Однако применить ранжирование Уорнера к российской действительности практически невозможно, поскольку он в качестве классификационных критериев, помимо имущественного положения ("обладания имуществом"), социальной роли и других понятных признаков, использует также местную географию (место фактического проживания – "хилл-стритовец", "ривебруковец" и т. п.), персональные связи ("приятель такого-то…"), семейные отношения и другие подобные. В итоге работа для российского читателя малопонятна, эклектична и слабо убедительна [58].

Стратификационная картина со-

временного российского общества гораздо сложнее и разнообразнее, чем описываемые в учебниках схемы с традиционным выделением трех форм стратификации – экономической, политической и профессиональной. К сожалению, не только в учебниках, но и в посвященных стратификации научных трудах очень мало внимания уделяется "низовым" стратам. Так, например, в учебном пособии "Социальная стратификация" авторы на богатом материале 1990-х годов подробно описывают процессы становления "высших" и "среднего" класса в постсоветской России, даже пытаются смоделировать "общие направления становления новых форм стратификации в России", но практически не уделяют внимания "низшим" слоям, лишь констатируют наличие в стране ужасающего количества бедных людей [36].

Еще одна распространенная характеристика людей категории "бомж" – "маргинальная личность". Под этим понимают, прежде всего, полностью или частично отвергнутого социумом человека, находящегося в промежуточном, пограничном положении в социальной структуре, находящегося "в полушаге" от криминала. Представители теории социальной маргинальности характеризуют ее как результат социального кризиса, бедности и нищеты, бездомности и безработицы. Выделим в этом перечне фактор бездомности.

Причины, по которым человек оказывается "на улице", очень разные. Иногда это обстоятельства, наличие которых позволяет "добропорядочным" гражданам использовать расхожую фразу "сам виноват": в подавляющем большинстве случаев алкогольная зависимость помноженная на личную распущенность, слабоволие. Многим алкоголикам "помогают" оказаться на улице либо "черные риэлторы", либо предприимчивые родственники. Кто-то примкнул к сообществу бомжей, утратив жилье и социальные связи во время отбывания срока уголовного наказания, вследствие отсутствия в России эффективной системы ресоциализации осужденных. Значительная прослойка в этом сообществе – сироты, выходцы из детских домов, в отношении которых опять же не сработала государственная система социализации, приобщения их к нормальной жизни общества. Принимаемые в последние годы программы обеспечения взрослеющих сирот жильем пробуксовывают, мало эффективны в результате бюрократических и коррупционных факторов, воровства региональных и муниципальных чиновников, а также отсутствия системы обучения их самостоятельной, взрослой жизни, принятию взвешенных решений.

Этот перечень ситуаций, в результате которых человек переходит в категорию "бомж", можно продолжать долго. Причем полноценное социологическое исследование по данному вопросу, похоже, никто в последние годы не проводил (может быть, такие исследования и имели место, но данных о них в доступных источниках нет), имеющиеся работы в основном относятся к середине 1990-х–середине 2000-х гг., в разных источниках делаются разные акценты. Даже общие количественные оценки масштабов бездомности в России рознятся у разных авторов в разы [41], не говоря уже о хоть сколько-нибудь достоверных данных о факторах и внутренней структуре явления.

Так, по данным авторов муниципального издания – методического пособия для социальных работников, "50-60 процентов становятся бездомными, устраиваясь на работу в другие города и лишаясь там документов и заработка (из-за непорядочности работодателей), 30 процентов бездомных дают тюрьмы и другие исправительные учреждения, 5-7 процентов становятся бездомными из-за семейных конфликтов и неурядиц, оставшиеся 3 процента – это квартирные аферы" [42. С. 6]. И.З. Карлинский, приводя убедительные цифровые расчеты и результаты социологического исследования, расставляет акценты несколько иначе, и первой среди первичных причин бездомности называет утрату жилья в связи с лишением свободы [20]. Ф.Н. Завьялов и Е.М. Спиридонова так же утверждают, что "Основной причиной потери жилья явилась судимость (42 %)". Правда, авторы сразу предупреждают о том, что ими был отвергнут способ изучения этих лиц на вокзалах, в подвалах и других местах их "обитания" – из-за небезопасности для интервьюера и малой информативности, т. к. бездомные большую часть времени пребывают в состоянии опьянения и не в состоянии связно отвечать на вопросы, имеют место

пьяный кураж либо агрессия. Поэтому выборка исследования составила всего 52 посетителя Ярославского социального учреждения для бомжей, что, безусловно, несколько снижает его охват и объективность [17. С. 64]. Л.С. Алексеева не менее убедительно доказывает, что наиболее значимыми причинами, лежащими в основе почти 40 % случаев, являются "выселения за неуплату, в том числе из общежитий, кооперативного или ведомственного жилья; жилищные аферы и обманы при обмене, купле-продаже из-за юридической неграмотности и социальной некомпетентности владельцев, утраты ими документов на владение; переезд в другой город без статуса мигранта или беженца из-за стихийных бедствий и катастроф" [3. С. 54]. Во множестве работ по теме имеются и иные данные. Причем абсолютное большинство исследователей используют ту же методику, что и процитированные авторы из Ярославля – анкетирование либо опрос посетителей социального приюта. Так, например, исследователи из Тольятти проанкетировали 354 человека, являющихся клиентами Тольяттинского социального приюта для лиц без определенного места жительства и занятий [40]. Очевидно, что в результате такие исследования, безусловно необходимые и полезные, все же отчасти теряют элемент объективности из-за неполной репрезентативности. Выборочная совокупность – лица, обратившиеся в социальное учреждение, находящиеся в нем в момент проведения исследования, как видится, в данном случае не полно представляет значимые параметры генеральной совокупности – всех бездомных в конкретном муниципальном образовании. Хотя бы потому, что далеко не все бомжи обращаются в подобные учреждения, многие предпочитают решать свои проблемы сами, другие не делают этого из-за проблем с законом, из опасения быть обнаруженными там правоохранительными органами, кого-то из обратившихся в приют не приняли из-за инфекционного заболевания и перенаправили в медицинское учреждение, и т. д.

В значительной части указанные расхождения имеют объективный характер и объясняются разницей во времени и месте исследования. Конкретный регион, город, период – детерминанты бездомности действительно могут быть разными. Однако это еще больше актуализирует задачу комплексного исследования с охватом как можно большего числа регионов, на основе четко проработанной поливариантной методологии, способной дать объективную картину явления в России сегодня.

Точно такой же разброс мнений и данных можно наблюдать по вопросу о том – каков процент бомжей, сознательно выбирающих подобный образ жизни, попытки ресоциализации которых не имеют перспектив при любых усилиях со стороны государства и гражданского общества. Авторы уже цитировавшегося методического пособия сначала пишут, что лишь 1-2 процента составляют те, для кого бездомность – "философия жизни" [42. С. 6]. Правда, последняя цифра корректируется на последних страницах данного издания, где указано: "среди них есть так называемые "бомжи по своей воле" – их около 10 процентов. Бродить по улицам, побираться – это стиль жизни, который их вполне устраивает, они выбрали его сознательно" [42. С. 40]. Эту достаточно оптимистичную оценку по поводу "профессионализации" бездомности не разделяют исследователи из Улан-Удэ. Результаты проведенного ими очень интересного и глубокого исследования жизни трех сообществ бомжей в столице Бурятии позволили им сделать безрадостный вывод о том, что "Бездомные, если не все, то в **абсолютном большинстве** *(выделено мною – М. М.)* утратили элементарные социальные навыки, у них сформировался определенный стереотип жизнедеятельности вне общества и возврат их к производительному труду, к семье, к существующим нормам и правилам жизни весьма проблематичен" [33. С. 56]. И.З. Карлинский, кроме того, указывает на наличие в данной проблеме медицинского аспекта: определенный процент бомжей – это люди, страдающие дромоманией, которая представляет собой выраженную тягу к странствиям, скитаниям. Это уже не социальный, а медицинский диагноз. "По разным источникам люди, испытывающие тягу к странствиям, составляют порядка 3-4 % бездомных. Максимальная цифра, которую удалось найти в открытых источниках, равна 6,5 %", – указывает автор [20]. Этой же цифрой в 6,5 % оперирует Л.С. Алексеева, говоря о такой причине

бездомности, как "добровольно осознанный выбор бездомного образа жизни" [3. С. 54].

Убедительные данные о московских бомжах приводит С.А. Стивенсон, но исследование, ставшее источником этих данных, проводилось уже очень давно – в 1993–1995 гг. [43], а также в 1997–1998 гг. в отношении "уличных детей" [44]. В 1996 г. исследовательской группой ИСЭПН РАН под руководством А.А. Овсянникова, А.А. Иудина и Н.М. Римашевской было проведено широкое, хорошо методически, организационно и информационно обеспеченное социально-экономическое исследование "социального дна" в России [38; 39]. Понятно, что за прошедшие 20 лет полученные результаты и выработанный тогда исследовательский инструментарий в значительной степени утратили свою актуальность. И.З. Карлинский в своем труде систематизировал результаты специального исследования, осуществленного в 2001–2003 гг., и предшествовавший собственный многолетний опыт практической деятельности в активе гражданского общества – в качестве консультанта по социально-правовым вопросам Санкт-Петербургской региональной благотворительной общественной организации помощи лицам без определенного места жительства "Ночлежка". Серьезную эмпирическую и научную базу имеет исследование Л.С. Алексеевой, но публикация его результатов также относится к 2003 г. В 2005-2006 гг. в семи регионах России проводилось Межрегиональное исследование "Правовые и социальные аспекты проблемы бездомности" в рамках проекта "Социальная реинтеграция бездомных в Санкт-Петербурге" силами неформальной сети государственных и негосударственных организаций, деятельность которых непосредственно связана с оказанием социальной и правовой помощи бездомным. Результаты этого исследования отражены в итоговой публикации [5]. Здесь, в частности, изложен (хотя и несколько сумбурно) ценный опыт ряда регионов, муниципальных образований и конкретных учреждений и организаций, специализирующихся на помощи бездомным, но исследованию уже более 10 лет… В приведенной работе И.И. Осинского, И.М. Хабаевой и И.Б. Балдаевой изложены результаты грамотно осуществленного социологического исследования, осуществленного в 1998–2001 гг. К сожалению, нет данных – было ли оно продолжено в последующие годы.

"К сожалению" потому, что более "свежие" исследования проблемы отличаются достаточно скромными эмпирической базой и методологической проработанностью, а некоторые опубликованные в научных изданиях работы вообще можно отнести скорее к публицистике, нежели к научным трудам. Так, например, в статье О.Н. Герасимовой делаются достаточно широкие и категоричные выводы на основе "эмпирического исследования" – интервьюирования 25 (!) человек из категории "бомж", пребывающих в социальном учреждении, и 8 человек сотрудников данного учреждения. Причем в названии материала и в тексте не указано – где это учреждение находится, но можно предположить, что это Белгородское областное учреждение (в частности, указано, что услуги предоставляются в соответствии с региональным стандартом Белгородской области). Однако один из подзаголовков статьи почему-то сформулирован как "Ситуация с работой и мотивация к труду **томских** бездомных" [10. С. 292].

Имеются работы, в которых исследуется явление бездомности, ее факторы, средства профилактики, терминологические аспекты проблемы, типология бездомных и т. п., но при этом авторы идут в своем исследовании "от индивида", изучают социальный портрет и социальную компетентность бомжа как личности [2; 4; 8; 27; 49 и др.], и мало кто обращается к бездомным как к социальной группе. Поэтому в вышеназванной работе ученых из Улан-Удэ ценным для нас является именно то, что авторы обратились не к индивидуальным проблемам отдельных бомжей, а именно к групповому аспекту. Они утверждают, что каждая из трех исследованных ими групп "характеризуется наличием устойчивых внутренних взаимосвязей. … постоянно воспроизводится система межличностного взаимодействия, типичная для среды бездомных. Этой системой устойчивых внутренних взаимосвязей создаются условия, в которых каждый член группы объективно ощущает себя интегрированным в нее, независимо от своих субъективных устремлений" [33. С. 56]. "Вероятно, – предполага-

ют далее авторы, – в среде бездомных возникает особая сеть эмоционально-психологических отношений, благодаря которой каждый член этого сообщества чувствует свою принадлежность к нему и приобретает типичные для него черты, тем более, что они пребывают в определенной изоляции от общества, нарушены внешние контакты. … Дефицит общения с другими членами общества способствует большей интенсивности внутренних взаимодействий. Вместе с тем, по частоте и длительности внутренних контактов это сообщество, несомненно, значительно уступает известным первичным социальным группам" [33. С. 57]. Отчуждение в данном случае выступает в качестве условия сохранения как своей личности, так и группового уклада, отличающегося от типических укладов внешнего мира.

В ряду работ рассматриваемой тематики выгодно выделяются обстоятельные труды А.В. Шлякова: часть исследований проведена в рамках кандидатской диссертационной работы в период с 1997 по 2008 гг. [51; 52], однако есть основания надеяться, что автор не остановился на этом и продолжает работу над темой, проведя соответствующие исследования с 2010 по 2014 г. и в 2017 г. в г. Тюмени [53]. В отличие от процитированных выше исследователей из Ярославля и Тольятти, автор не гнушается "полевых" социологических опросов и наблюдений (в "местах обитания" бомжей). Помимо индивидуальных ситуационных характеристик бомжей А.В. Шляков приводит интересные сведения об их социальной организации и ее специфике в г. Тюмени, о внутригрупповых отношениях и теневых устных поведенческих правилах, регулирующих эти отношения. "У привилегированных бомжей на руке висит магнит. Это особая метка, означающая право обладателя собирать цветной металл (магнит легко позволяет отличить "черный металл" – железо от "цветного"). Самовольно брать магнит и собирать металл нельзя, за это жестоко наказываются. … Особой "кастой" среди бездомных является группа бомжей, живущих на городских свалках, которых именуют "Жители чайкиного гнезда", так как чайки, которые кружат над свалками, безошибочно указывают место пригодной для употребления пищи" [52. С. 82–83]. Отметим, что исследование данного автора в целом посвящено бродяжничеству – явлению пересекающемуся, но не совпадающему с бездомностью и нищенством, поскольку имеют место и иные по мотивации, целям и общественной оценке формы бродяжничества – "экстравертивный" туризм, странничество, этнически либо профессионально обусловленный кочевой образ жизни и т. п.

Тема социальных девиаций, по-видимому, актуальна для Тюменского региона, поскольку помимо работ А.В. Шлякова о бродягах труды, посвященные нищенству, вышли из-под пера представительницы этого края Н.Р. Москвиной [29]. Оперируя четырьмя стратификационными критериями – экономическим, культурно-нормативным, политическим и профессиональным, автор приходит к понятию "общественный слой нищих" [28].

Из диссертационных работ значительный интерес также представляет труд А.В. Ермиловой, которая так же как и Н.Р. Москвина, применяет к интересующему нас явлению характеристику не только "социальная группа", но и "слой населения". Правда, выполнена диссертация тоже в далеком уже 2003 году. Автор пишет: "Растет слой маргиналов, выбитых (по объективным и субъективным причинам) из своей социокультурной среды и превратившихся в люмпенизированный слой (нищие, бродяги, бомжи). … лица без определенного места жительства и занятий сложились в определенную социальную группу, постоянно увеличивающуюся по составу преимущественно за счет лиц, вернувшихся из мест лишения свободы. Эта группа является потенциально криминогенной и социально опасной" [16. С. 4]. Кроме того, автор внутри сообщества "бомжи" выделяет группы, выбрав в качестве критерия степень адаптации к условиям своего существования.

Хорошо оснащено методологически, и потому убедительно по выводам социологическое исследование, проведенное в г. Пензе. Авторы итоговой статьи полагают, что "лица без определенного места жительства и занятий сложились в определенную социальную группу. Эта группа является потенциально криминогенной и социально опасной", а потому требует тщательного изучения для выработки действенных контрмер. Кроме того, "Лица без опре-

деленного места жительства – это категория, сложно поддающаяся статистическому учету, постоянно изменяющаяся по своей численности, при этом гетерогенна по таким признакам, как пол, возраст, семейное положение, уровень образования, бывший социальный статус" [55. С. 105, 106].

Таким образом, можно утверждать: несмотря на скитальческий образ жизни, не связанность "бомжей" какими-либо социальными обязательствами, высокий уровень смертности, их сообщества имеют относительно устойчивый характер и существуют годами. Схожая ("групповая") и очень острая проблематизация элементарных физиологических, бытовых потребностей (питание, алкоголь, согревание в холодный сезон, одежда, гигиена) подталкивают к совместной деятельности. Люди оборудуют коллективное временное жилище (технологические помещения теплотрасс, подвалы жилых домов, заброшенные здания и т. д.), совместно добывают средства к существованию, сортируют отходы, питаются, нищенствуют, в соответствующий сезон всем сообществом выходят, например, из города в лес "на черемшу", "на папоротник", "на орех", "на веники", затем организуют реализацию собранных даров природы прохожим и т. д. Имеется лидер, в отдельных случаях можно наблюдать распределение ролей ("разделение труда"), иными словами – признаки более или менее устойчивой организации. То есть мы имеем дело уже не с социальным конгломератом, а с ассоциацией или даже кооперацией. Впрочем, в основном исследователи указывают на нечеткость структуры и изменчивость, высокую степень аморфности такой организации. Так, Т.Н. Кочеткова отмечает, что имеющиеся в литературе данные о структуре данных сообществ противоречивы, невозможность иметь стабильное место проживания не позволяет формировать структуры устойчивых отношений и накапливать ресурсы, а это приводит к отсутствию устойчивой иерархичности, "чаще всего приводятся сведения о хаотичности этих групп и самоизолированности ее представителей не только от общества, но и друг от друга" [24]. Тем не менее, наличие основных признаков социальной группы налицо: между бомжами устанавливается достаточно устойчивое взаимодействие для решения общих для них проблем, обеспечения коллективных условий их существования, таким образом достигается относительно высокая степень единства и сплоченности; всем членам группы присущи схожие социально-психологические признаки; наконец, первичные группы бездомных в своей совокупности образуют особую социальную общность – явление объективно существующие, наличие которого в большинстве субъектов Российской Федерации (прежде всего в крупных городах) подтверждается обширным эмпирическим материалом.

Описывая механизм попадания бездомного в рассматриваемую нами социальную группу, Л.С. Алексеева пишет: попав в сложную жизненную ситуацию, человек, само собой, ищет выход из нее, но наталкивается на стигму со стороны более успешных сограждан. Поэтому одной из главных стратегий для него "становится поиск дополнительных ресурсов в новой и специфической среде себе-подобных, приобщение к которой представляется спасительной соломинкой". Круг его общения составляют люди, "попавшие в это пространство, как и он, через крайности личных неудач, а потому имеющие сходные "моральные карьеры" и осведомленные по части того, "как и что надо делать". Он ищет их общества и готов приобщаться к нему, как к образчику, следование которому способно научить выживанию" [3. С. 57].

И.З. Карлинский, кроме того, совершенно справедливо указывает на присущую социальным группам динамику, которая зависит как от объективных (социально-экономическое состояние общества), так и субъективных (отношение к проблеме органов публичной власти и других институтов гражданского общества) факторов. "Даже при той колоссальной стигматизации, которая характерна для положения бездомных в России, они не являются изолированной (замкнутой) социальной группой наподобие индийских каст. В отличие от касты, численность которой в конкретный исторический период определяется исключительно ее собственными репродуктивными показателями и смертностью, численность бездомных определяется, прежде всего, тремя основными факторами: – скоростью (массовостью) пополнения этой социальной группы за счет притока в нее

представителей других социальных групп; – скоростью (массовостью) оттока бездомных в другие социальные группы и, в первую очередь, скоростью (массовостью) ресоциализации бездомных в обществе, превращения их в рядовых обывателей, имеющих жилье на праве собственности или ином вещном праве; – смертностью" [20].

В 1990-е – начале 2000-х гг. для жителей российских городов была привычной картина: за площадкой с мусорными контейнерами вокруг костра сидит группа людей с "говорящей" внешностью и не спеша распивает что-то из пластиковой бутылки. Причем характерно то, что люди эти ведут себя, как правило, тихо и корректно, стараются не провоцировать внимание к себе со стороны правоохранительных органов, не попадать на глаза "добропорядочным" гражданам. По возможности находят для общения с себе подобными тихие, безлюдные места. То есть при наличии определенных социально-психологических противоречий с "остальным" обществом, асоциальности, "бомжи" в основной своей массе не конфликтны и не антисоциальны. Такое сообщество, например, прекрасно и очень натуралистично показано в фильме А. Балабанова "Брат" (две сцены на Смоленском лютеранском кладбище г. Санкт-Петербурга). За последние десять-пятнадцать лет эту картину мы видим, к счастью, все реже. Российское общество стало заметно здоровее и благополучнее. Тем не менее, коллективы "бомжей" все еще остаются в нашей реальности, хоть и в меньших масштабах. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно совершить экскурсию на полигон твердых бытовых отходов (проще говоря, городскую свалку), обслуживающий любой из российских городов. Автор настоящей статьи в погожее воскресенье 16 июля 2017 г. во второй половине дня прогулялся в благополучной (по сравнению с другими регионами России) Москве по Кузнецкому Мосту, Неглинной и другим тихим, относительно малолюдным в выходной день улицам и переулкам, по Страстному и Тверскому бульварам, и обнаружил в разных местах не менее двух десятков бездомных, которые группами по 2-6 человек спали – кто на скамьях, а кто и прямо на траве под деревьями. Двое облюбовали для своего отдыха даже скамью при входе в здание Минздрава РФ.

Конечно, группы "бомжей" имеют зачастую маргинальный характер, способы добычи средств к существованию бывают незаконны. Так, добыча цветных металлов с целью их сдачи в пункты приема не всегда сводится только лишь к отысканию на свалках выброшенных старых вещей и к собиранию пустых баночек из-под пива и пепси-колы, но и к кражам, срезанию действующих кабелей с целью добычи из них медных проводов, хищениям пластин-контактов из электрооборудования, металлических элементов телевизионных антенн и т. п. Промышляющие таким образом сообщества, соответственно, переходят в разряд "антигражданских" элементов. Однако огульно обвинять всех без исключения людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, в склонности к антиобщественному поведению нельзя. Презумпция невиновности – принцип универсальный и общегражданский. Многие из них ведут хотя и неприятный и малопонятный для других граждан, выходящий за рамки общепринятых представлений о должном, то есть девиантный, но законопослушный образ жизни, не причиняют вреда обществу, а сообщества этих граждан Российской Федерации являются составной частью нашего общества. Закрывать глаза на это глупо, не гуманно и даже опасно. Этот вывод подтверждают данные Л.С. Алексеевой, согласно которым "среди людей, попадающих в разряд бездомных, доминирует доля вполне законопослушных граждан, утративших жилье в связи с разного рода социальными коллизиями типа: сделок, афер, переездов, или под влиянием стрессовых событий и семейных неурядиц" [3. С. 54], а вовсе не люди с изначально девиантным поведением маргинального типа.

Безусловно, российское государство во взаимодействии с местным самоуправлением, благотворительными НКО, в последние годы предпринимает определенные шаги в направлении решения проблем, социальной реабилитации той категории граждан, о которой идет речь. В основе данной части социальной политики государства лежит представление о том, что люди эти попали в сложную жизненную ситуацию в силу наступления каких-то обстоятельств, которые они не могут преодо-

леть самостоятельно. Нужна помощь. Это восстановительные медицинские, санитарно-гигиенические мероприятия, различные меры социального восстановления, решения жилищных и иных бытовых проблем, обеспечения трудовой занятости. На бюджетные средства создаются пункты социальной помощи, учреждения для временного пребывания лиц, не имеющих собственного жилья, "социальные гостиницы" (а по сути – приюты, ночлежки) и т. п. При органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, отвечающих за реализацию социальной политики, создаются организационно-методические центры социальной помощи, работа с "бомжами" вменяется в обязанности центрам социального обслуживания населения.

Однако следует иметь в виду, что в массе "бомжей", стремящихся выйти из такого своего социального состояния, "наладить жизнь", обзавестись семьей и работой, всегда присутствует определенный процент граждан, которые избрали для себя скитальческий, бездомный образ жизни, не желают и не стремятся его изменить. Это прежде всего люди, находящиеся значительный срок – несколько лет – по определению социологов в "острой форме бездомности". Переждав, например, морозы в социальном приюте, с наступлением тепла они вновь предпочитают вольную, лишенную социальных обязательств жизнь бродяги. В данном случае мы имеет дело с явлением трансформации психологического статуса личности. Происходит интериоризация социального опыта и ценностей сообщества бомжей в психику индивида, "бегство" от остального общества, адаптация личности к новой среде обитания в форме ретритизма. В конечном итоге человек идентифицирует себя именно с таким образом жизни, его рефлексия не выходит за пределы бытовых практик бездомности и бродяжничества, он уже не мыслит, не желает возвращения к "нормальной" (с точки зрения общественного большинства), "человеческой" жизни. Стандартные для всех других граждан социальные практики его тяготят. Как правильно указывает А.В. Шляков, "Содержание образа жизни бродяг существенно отличается от общепринятых представлений о материальных основах жизни, социализации, коммуникации. Деформации в образе жизни субъекта могут отрицательно повлиять на его поведение: оказаться источником конфликтов, вызвать отклонения от одобренных обществом нравственно-правовых ценностей, затруднить реализацию тех возможностей субъекта, которые отвечают его интересам" [52. С. 44]. При этом, несмотря на явное расхождение с житейскими, нравственными представлениями большинства, человек не причиняет вреда обществу, а стало быть объединения таких людей нельзя отнести к "негражданскому обществу"!

Вряд ли можно признать соответствующей принципам социальной справедливости и гуманизма практику борьбы с рассматриваемым социальным явлением с помощью уголовной репрессии. В УК РСФСР, например, имелась активно применяемая властью ст. 209, в которой была предусмотрена ответственность за три разные формы "паразитического существования", образующие самостоятельные составы преступления. Это занятие бродяжничеством, попрошайничество и ведение иного паразитического образа жизни. [31]. Кроме того, издавались и специальные акты, направленные на борьбу с этими явлениями, например Указ "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни" [32].

Однако показала свою порочность и противоположная практика ряда европейских государств – предоставление бездомным и безработным, особенно из числа мигрантов с иным, чем у коренных жителей, цветом кожи, бессрочно бесплатного социального жилья, выплата социальных пособий, зачастую соразмерных доходу части работающих, нарочитая толерантность и вменение в обязанность органов публичной власти первоочередного решения проблем этих людей и т. п. Подобные практики, помноженные на рецидивы "постколониального" мышления ("они нас столько лет унижали и эксплуатировали, и теперь должны кормить и обеспечивать") вызывают иждивенческие настроения, не способствуют формированию позитивной житейской мотивации у лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию. "Если хочешь помочь

голодному, дай ему не рыбу, дай удочку". Некоторые европейские общества уже сейчас столкнулись с явлением профессионального, наследственного нахлебничества – когда уже и последующие, родившиеся в "принимающей" стране поколения мигрантов перенимают у своих родителей паразитический, иждивенческий, праздный образ жизни, не стремятся получить образование и работу, удовлетворяясь социальными пособиями и иными преференциями. А главное – противятся даже умеренной, в разумных пределах аккультурации, демонстративно проводят ритуалы, реализуют варианты социального поведения, чуждые для коренного населения.

Поэтому явление требует, безусловно, самого тщательного изучения, выработки научно обоснованных, учитывающих позитивный и негативный опыт, средств противодействия ему. На необходимость объективной экспертной оценки социальной среды, где живут бездомные люди, указывают и психологи [22].

Иные примеры сообществ граждан, образующих «изнанку» гражданского общества, будут рассмотрены и общие выводы будут сделаны во второй части настоящей статьи.

Библиографический список

1. Абрамитов С.А., Мамедов Э.Ф. Региональные общественные палаты как нетипичные институты гражданского общества: некоторые проблемы определения статуса // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 23–26.
2. Акутина К.И. Бездомность: основные проблемы и пути решения // Гуманитарные научные исследования (электронный научно-практический журнал). 2013. № 6 [Электронный ресурс]. URL: http://human.snauka.ru/2013/06/3249 (12.09.2017).
3. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 52–61.
4. Антонова Н.С. К характеристике причин бездомности в современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 220–224.
5. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: Вестник Межрегиональной Сети "За преодоление социальной исключенности": Вып. 1: Сб. / сост. А. Варсопко, Е. Ринн. СПб.: 2008 (в выходных данных ошибочно указан 1996 г.). 144 с.
6. Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 г. М.: Политиздат, 1977. 29 с.
7. Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // Электронная библиотека "Гражданское общество" [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/ (публикация: Pro et Contra, 1997) (12.09.2017).
8. Волков В.В. Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4–1. С. 366–370.
9. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 19–35.
10. Герасимова О.Н. Диагностика социальных проблем лиц бомж (на примере ГБО УСОССЗН "Комплексный центр по реабилитации лиц без определенного места жительства и граждан, освободившихся из мест лишения свободы") // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2014. С. 289–293.
11. Горелов А.А. Социология: учебник. М.: Эксмо, 2006. 496 с.
12. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. 352 с.
13. Гражданское общество: истоки и современность / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 492 с.
14. Гражданское общество, право и государство // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.
15. Евдокимова Т.Г. Современные тенденции и особенности девиантного поведения подростков: дис. … канд. соц. наук. Уфа, 2009. 202 с.
16. Ермилова А.В. Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества: дис. … канд. соц. наук. Н. Новгород, 2003. 161 с.
17. Завьялов Ф.Н., Спиридонова Е. М. Уровень и образ жизни бомжей // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 63–69.
18. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 5–24.

19. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пос. М.: Академия, 2004. 288 с.
20. Карлинский И.З. Анализ социального и правового положения бездомных в современной России. СПб.: Дельта, 2004. 57 с.
21. Категории политической науки: учебник / под ред. А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002. 656 с.
22. Клюева М.Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 15–19.
23. Коровин В. Сетевая изнанка «гражданского общества» // Евразия: информационно-политический портал [Электронный ресурс]. URL: http://evrazia.org/article/2612 (10.09.2017).
24. Кочеткова Т.Н. Роль социума в формировании самоотношения личности бездомного человека // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sisp.nkras.ru (9.09.2017).
25. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шпенглера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
26. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.
27. Молчанов А.А. Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики: дис. … канд. соц. наук. СПб.: 2006. 219 с.
28. Москвина Н.Р. Нищенство в современной России: социологический анализ на примере города Тюмени: дис. … канд. соц. наук. Тюмень, 2002. 170 с.
29. Москвина Н.Р. Нищенство как социальное явление: предпосылки возникновения и современное состояние в России: монография. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2005. 153 с.
30. Нижечек В.И. Очерки политологии. М.: РПА Минюста РФ, 2001. 284 с.
31. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (В настоящее время не действует – памятник права).
32. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно - полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни: Указ Президиума ВС РСФСР от 04 мая 1961 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 18. Ст. 273. (В настоящее время не действует – памятник права).
33. Осинский И.И., Хабаева И.М., Балдаева И.Б. Бездомные – социальное дно общества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58.
34. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. 560 с.
35. Первова И.Л. Асоциальное поведение несовершеннолетних: социотипологический анализ: дис. … докт. соц. наук. СПб., 2000. 374 с.
36. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
37. Репьев А.Г. Государственное обеспечение прав лиц без определенного места жительства и профилактика их делинквентного поведения (на материалах Пензенской области) // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 70–75.
38. Римашевская Н.М. Социальное дно России // Власть. 1999. № 9. С. 30–34.
39. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–44.
40. Рузова Л.А., Калинина Д.С. Бездомность как фактор социальной исключенности в современном российском обществе (на примере Г.О. Тольятти) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3–2 (59). С. 346–352. [Электронный ресурс]. URL: http://ej.soc-journal.ru (10.09.2017).
41. Рыжов Р.О. К оценке количественной динамики, социальной природы и последствий бездомности // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 46–50.
42. Социальное обслуживание граждан без определенного места жительства: метод. пособие. Екатеринбург: Государственное областное учреждение "Комплексный центр социального обслуживания населения Чкаловского района г. Екатеринбурга", 2010. 42 с.
43. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 26–33.
44. Стивенсон С. А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 91–101.
45. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / под ред. А.В. Малько. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2005. 186 с.
46. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ГУ-ВШЭ, 2007. 134 с.
47. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд-во Московского университета, 1987. 432 с.

48. Фатов И.С. Конституционно-правовой статус общественных объединений и механизм его реализации в становлении гражданского общества России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 212 с.
49. Халак О.Н. Бездомные как субъекты российского права // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9 (52). С. 83–84.
50. Шильдяева В.В. Подходы к определению бездомности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 54–56.
51. Шляков А.В. Бродяжничество как феномен культуры повседневности: дис. … канд. соц. наук. Тюмень, 2009. 177 с.
52. Шляков А.В. Бродяжничество: социокультурный анализ. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 140 с.
53. Шляков А.В. Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 124–135.
54. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28.
55. Юрасов И.А., Кошарный В.П., Сеидов Ш.Г. Социальный портрет лиц без определенного места жительства в Пензенском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4 (32). С. 105–114.
56. Яковлев В.Ф. Утверждение начал правового государства: интервью журналу "Признание" (февраль – март, 2000 г.) // Правовое государство: вопросы формирования: избранные труды. М.: Статут, 2012. 488 с.
57. Янышева В.А. Системно-психологическая коррекция асоциальной групповой активности подростков: дис. …канд. псих. наук. Ярославль, 2008. 283 с.
58. Warner W.L. (Ed.) Yankee City. New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963.

Сведения об авторе

Мушинский Михаил Адеилович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Mushinskiy Mikhail Adeilovitch, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State Law Sciences Department, e-mail: mushinskiy@mail.ru